

Тест творчества — «синяя птица» психологии

Александр Поддяков

(Знание – сила, 2003, № 5, С. 101-104).

Учительница сказала: «Ребята, через месяц у нас будет карнавал. Подойдите к делу творчески, пусть каждый сделает что-нибудь необычное. Самые оригинальные костюмы отметим призами». Моя дочь занималась этим костюмом целыми днями, и в день карнавала ушла в школу с объемистой коробкой в руках, в приятном возбуждении, под наши искренние одобрительные восклицания. А вернулась обескураженная. Оказалось, что увидев ее, учительница сначала пришла в восторг: «У тебя замечательный наряд! Кого же ты изображаешь?» «Марсианку» — гордо сказала дочь. И услышала в ответ: «Разве ты забыла, что мы проходили на прошлой неделе — на Марсе нет жизни!»

Этот случай, произошедший с его дочерью, описывает на своих лекциях американский психолог Роберт Стернберг — один из самых известных ученых в области изучения интеллекта, творчества и проблем обучения. Учительница хотела стимулировать, а затем оценить творчество детей, но с оценкой у нее получилось, мягко говоря, плоховато. И дело здесь не только в особенностях ее стиля мышления, хотя и в них, вероятно, тоже. Дело в самой проблеме — диагностике творчества, в которой не могут разобраться и сами психологи. Проверка, тестирование чужого творчества оказалось внутренне очень противоречивой задачей.

Тесты творчества призваны делать примерно то же, что пыталась сделать та самая учительница. Они должны побудить человека к изобретению новых, разнообразных, оригинальных решений. Например, требуется придумать как можно больше способов необычного употребления самого обыденного, казалось бы, предмета (карандаша, кирпича и т.п.), придумать как можно больше усовершенствований какой-либо игрушки, нарисовать как можно больше разных картинок с заданным исходным элементом и т.д. Это задания на так называемое дивергентное мышление — на способность разветвления мыслительной деятельности по множеству разнообразных путей, что является важнейшей частью творческих способностей. Оценивается общее количество ответов (чем их больше, тем лучше) и их разнообразие. Например, если человек предложил использовать кирпич как подставку для горячей

сковороды и как подставку для ног, то это будет оценено как два однотипных ответа, что не очень. А вот если он предложит использовать кирпич как подставку и как груз, то это будет отнесено к разным категориям ответов и повысит балл за разнообразие.

Оценивается и оригинальность каждого ответа. Она рассчитывается механически: как часто встречается ответ в ранее обследованной группе людей. Если человек придумал, как употребить карандаш таким способом, до которого мало кто додумался, он получает высокий балл за оригинальность, а если дал тот же ответ, что давали многие люди до него, — значит его мышление пошло по стандартному, неоригинальному пути. Есть стандартный список ответов разной степени оригинальности; эти списки могут различаться в разных культурах, профессиональных группах и т.д.

На основе рассчитанных таким образом оценок вычисляется общий, суммарный балл за творческие способности. Не правда ли, все это выглядит относительно просто, удобно и надежно?

Поэтому парадоксом прозвучит утверждение, что проблема теста творчества никогда не получит окончательного решения, а любое найденное промежуточное решение будет очень быстро обесцениваться.

Стандарт измерения нестандартности

Е.П. Торранс, автор одного из самых популярных тестов творчества, не побоялся заявить: полноценный тест творческого мышления невозможен в принципе. Потому что сама сущность тестов противоречит сущности творчества. Тест — это стандартная процедура обследования по заданному набору параметров. А сама суть творчества — выход за рамки заданного и известного, прорыв за пределы стандартов. Поэтому комбинация «тест и творчество» представляет собой, метафорически выражаясь, «лед и пламень». Это такая комбинация, в которой и инструмент измерения (тест), и измеряемое качество (творчество) чувствуют себя максимально дискомфортно. Тест творчества должен быть стандартом измерения способности ломать стандарты. А демонстрируемые человеком акты творчества (то есть нестандартности его мышления) должны выглядеть так, чтобы подпадать под этот стандарт.

И это не единственный парадокс. Вот еще парочка.

Из-за длительности применения (тесты разрабатываются на годы или даже десятилетия вперед) любой тест творчества становится не новым и хорошо всем известным способом оценивать новизну.

Из-за массового применения на множестве людей (смысл тестирования — именно в массовом охвате) тест творчества должен стать массовым методом оценки оригинального. Однако массовость противостоит оригинальности. И так далее.

Но не возникает ли ощущение, что оригинальность, улавливаемая стандартным методом, — это какая-то ущербная, не совсем настоящая оригинальность? Что «стандартный список типов оригинальных ответов» — это нонсенс? И что новизна, укладываемая в рамки оценок, разработанных десятилетия назад, это тоже не совсем настоящая новизна, хотя и удобная для оценивания? Такая престарелая новизна. Эти неустранимые противоречия заложены в самой идее теста творчества.

Практически из всего этого следует: чем более новым и оригинальным будет ответ, тем меньше вероятность, что экспериментатор его заметит и оценит! Ведь в том списке ответов разной степени оригинальности, с которым сверяется экспериментатор, такого ответа просто нет. По той простой причине, что настоящие оригинальные решения имеют тенденцию не попадать в список уже известных, а расширять его. (Поэтому, в принципе, после обследования каждой истинно творческой личности должна возникать необходимость пересмотреть и расширить набор оцениваемых тестом параметров — ведь эта творческая личность может внести новое измерение, новый параметр.)

Понимая, что его могут не понять, тестируемый, конечно, может — если наберется смелости — спросить экспериментатора: «А вы заметили, что я придумал?» После этого добросовестный экспериментатор, подумав, может быть, отошлет его вариант ответа разработчикам теста. А те решат, как такую новацию оценивать и стандартизировать. Может быть даже этот ответ войдет в общий перечень ответов, удлинив его на единицу (гордись, испытуемый!) Но это абсолютно не гарантирует от того, что на следующее же утро не найдется человек, который изобретет новое оригинальное решение, и его ответ либо вообще не заметят, либо не так интерпретируют.

Тестирование истинно творческой личности требует от психодиагноста не меньшего творческого масштаба — чтобы заметить и оценить предложенную новацию.

Но реальное, практическое взаимодействие двух людей с равным интеллектуальным и творческим потенциалом неизбежно теряет характер одностороннего тестирования, это скорее попытка «вписать» другого в рамки своей модели. В лучшем случае их встреча превратится в равноправное общение, в творческий диалог, обогащающий обоих. Но тогда это очень серьезное отступление

от теста — от «стандартной процедуры обследования одного человека другим по заданному набору параметров». Творческое общение — было, тестирование — не состоялось.

В худшем же случае возможен конфликт между тестологом и тестируемым, отказ от общения или же малоуправляемое продолжение в формах, которые опять-таки далеки от стандарта рекомендованных.

А судьи кто?

Рискну высказать еще одно крамольное суждение. Любой тест мышления — это еще и скрытая (хотя, может быть, и не осознаваемая) претензия его авторов на свою практически непревзойденную мудрость. Ведь предполагается, что интеллект любого человека может быть описан в рамках модели, созданной интеллектом автора теста, а значит, более мощным «суперинтеллектом»! Более того, предполагается, что этот барьер никому из тестируемых не удастся перепрыгнуть в течение ближайших десятилетий использования теста.

Здесь неизбежно возникает тот самый вопрос: «А судьи кто?» Нет оснований сомневаться, что авторы и разработчики тестов интеллекта и творчества — это в основном очень умные люди. Но при этом в их собственном мышлении есть определенная специфика, что не может не сказываться на составляемых ими заданиях. Например, основоположники тестовой психодиагностики были очень сильными математиками — достаточно сказать, что часть методов и критериев математической статистики, ныне широко известных и используемых в самых разных областях, была изначально создана тестологами именно для нужд психодиагностики. И психологи (я сам в том числе) этим гордятся. Однако возникает вопрос — как математический склад ума авторов тестов сказался на созданных ими тестовых заданиях? Это никем специально не изучалось, а зря.

И.С. Кострикина, кандидат психологических наук из Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, проанализировала содержание заданий тестов «на интеллект» и установила любопытный факт. Чтобы показать средний уровень интеллекта при тестировании, испытуемому достаточно иметь развитые вербальные (речевые) способности. А вот для демонстрации высокого и сверхвысокого интеллекта нужны отлично развитые математические способности, связанные с установлением закономерностей в числовых рядах. Иначе говоря, тестовые задания «на речь» имеют средний уровень сложности и не содержат особо трудных,

а вот математические задания представлены очень и очень трудными. Это отражало ценностные ориентации и личные предпочтения разработчиков — самым главным в интеллекте они считали способности к математике. Но не означает ли это, что окажись среди составителей тестов люди с другими мировоззренческими установками, мы бы сейчас имели и другие тесты? Ведь разработчики могли пойти и по противоположному пути — подбирать сверхсложные «филологические» задания, а математические ограничить несложной арифметикой. Или же, решая тесты на интеллект, мы бы сейчас отыскивали закономерности вообще не в математических или «филологических», а в биологических рядах, и т.д.

Тогда сейчас среди тех, кто получает наивысшие баллы за уровень интеллекта, оказались бы совсем другие люди! А страны, где тестовые оценки широко используются для отбора на различные должности, может быть, имели бы иную элиту.

Это очень важный социальный аспект психодиагностики. Ведь те, кто придумывают стандарты оценки чужого интеллекта и творчества, имеют свой собственный, небезграничный интеллект (живые все-таки люди) и отнюдь не безупречные представления о том, что такое творчество и как его измерять (что, собственно, и служит предметом ожесточенных дискуссий между разными школами психодиагностов). Некритическое использование результатов их работы может быть попросту опасно.

«Синяя птица»

Творчество по самой своей сути призвано обходить, нарушать, растворять известные стандарты, в том числе стандарты изучения и измерения самого себя, делая их непригодными — пусть даже и не намеренно. Возможно, именно поэтому выдающийся отечественный психолог Петр Яковлевич Гальперин (столетие со дня рождения которого отмечалось в 2002 году) в конце жизни назвал проблему творчества «синей птицей» психологии. Синюю птицу нельзя поймать — будучи пойманной, она либо умирает, либо перестает быть синей. Так же и творческое мышление — оно тем дальше от настоящего творчества, чем жестче и надежнее «силок» психологического теста, который для творчества приготовили. Изучение творческого, нестандартного мышления требует творческих, нестандартных методов. Тест здесь может быть подпоркой, но никак не основным средством.

Ну и конечно, хорошо бы, чтобы тестолог, психодиагност был не так категоричен в своей оценке чужого творчества, как та дама из начала статьи.